

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ УТРАТЫ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ И ЛУГОВОМ ДИАЛЕКТЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Гармония гласных характерна для языков агглютинативного строя. Она способствует звуковому однообразию суффиксальных прилеп и в известной степени их сохранению. Гармония гласных существовала в уральском языке-основе.

Как известно, в пермских языках и луговом диалекте марийского языка гармония гласных утратилась. Естественно, что столь значительное явление в истории этих финно-угорских языков не могло быть внезапным. Оно готовилось, по всей вероятности, постепенно. Сам процесс утраты гармонии гласных имел какие-то последовательные этапы. Этот интересный вопрос в финно-угроведческой литературе никогда достаточно подробно не рассматривался. Какие причины могли вызвать утрату гармонии гласных в пермских языках и луговом диалекте марийского языка? Характер уподобления гласных обычно определяется качеством гласного первого слога, который может быть передне- или заднерядным. Гласные непервых слогов уподобляются в этом отношении гласному первого слога.

Можно предполагать, что первый этап разрушения гармонии гласных в пермских языках и луговом диалекте марийского языка начался с изменения характера гласных первого слога. Количество заднерядных гласных в нем заметно увеличилось. Для пермских языков этот факт совершенно очевиден. Для истории развития исконных финно-угорских гласных в пермских языках характерна ярко выраженная тенденция к превращению переднерядных гласных в заднерядные, которая осуществлялась обычно в рамках первого слога. Для иллюстрации этой общей направленности звуковых изменений можно привести довольно показательные примеры.

1. Гласным типа *e* других финно-угорских языков в пермских языках часто соответствуют *o* или *u*, ср. венг. *lép* 'селезенка', коми-зыр., удм. *lop*; венг. *lélek* 'душа', манс. *lili* 'дыхание', коми-зыр. *lov, lol*, удм. *lul* 'дыхание; душа'; венг. *vesz-* 'теряться', коми-зыр. *voš-*; фин. *keri* 'кора', венг. *kéreg*, коми-зыр. *kor* 'шелуха', удм. *kur* 'лубок'; фин. *keski* 'средний', коми-зыр. *kos* 'талиа' (< *kosk*), удм. *kus* 'поясница, талиа'; фин. *setä* 'дядя', коми-зыр. *čož* 'дядя (брат матери)', удм. *čužmurt* 'дядя по матери' и т. д.

2. Фин. и морд. *a* в пермских языках может соответствовать *u*: фин. *jaka-* 'делить', эрз. *java-*, коми-зыр., удм. *juk-* 'делить'; фин. *maksa* 'печень', эрз. *takso*, коми-зыр. *mus* 'печень' (< *musk*); эрз. *čačo|ms* 'родиться', коми-зыр. *čuž-*; фин. *alla* 'под' (< *al|na*), эрз. *alo* 'под', коми-зыр., удм. *ul|in* и т. д.

3. Фин. *ä* и морд. *e* в пермских языках могут соответствовать *o* или *i*: фин. *rää* 'голова; конец', эрз. *pe, pej* 'конец', венг. *fő ~ fej* 'голова', удм. *rim* 'конец', коми-зыр. *rom*; фин. *lähteä* 'выходить', марЛ *lek|taš* 'выходить', коми-зыр. *lokt-*, удм. *likt-* 'приходить' и т. д.

Общеперм. *ö, замечает В. И. Лыткин, образовался из допермского лабиализованного гласного переднего ряда. В процессе его утраты в диалектах пермских языков произошла или веляризация гласного, вследствие чего образовался заднерядный *u*, или делабиализация, в результате чего получились *e, e*.¹

Необходимо заметить, что сходные процессы передвижения гласных переднего ряда в задний ряд наблюдались и в истории лугового диалекта марийского языка, где переднерядный *ä* в луговом марийском диалекте превратился в *a*, ср. марГ *äza* 'ребенок', марЛ *aza*; марГ *än* 'отверстие', марЛ *aŋ*; марГ *äva* 'мать', марЛ *ava* и т. д.

Фонема *a* первого слога в луговом марийском диалекте превратилась в *o*, ср. эрз. *čačoms* 'родиться', марГ *šačaš*, марЛ *šočaš*; эрз. *šardo* 'лось', марГ *šardä*, марЛ *šordo*; фин. *kantaa* 'носить', эрз. *kandoms*, марГ *kandaš*, марЛ *kondaš* и т. д.

В луговом марийском диалекте переднеязычный редуцированный *ä* совпал с *ä*, ср. марГ *äštaš* 'делать', марЛ *äštaš*; марГ *äraš* 'греться', марЛ *äraš* и т. д.

В истории пермских языков, а также в известной степени и марийского лугового диалекта создалось такое положение, когда гласные заднего ряда в первом слоге стали явно преобладать, хотя закон гармонии гласных еще сохранялся. Если число слов, содержащих в первом слоге гласный заднего ряда, увеличилось, то естественно должно увеличиться и число случаев выравнивания гласных непервых слогов по заднерядному гласному первого слога. Количество случаев выравнивания гласных непервого слога по переднерядному гласному первого слога уменьшилось.

В языках мира действует универсальный закон: всякое количественное уменьшение неминуемо ведет к ослаблению функции и может закончиться полной ее утратой. Отсюда следует, что гласные переднего ряда непервых слогов в пермских языках, а также в луговом марийском диалекте начали утрачивать функцию выражения гармонии гласных.

Вторым фактором, способствовавшим утрате гармонии гласных в пермских языках, стало появление заднерядных гласных во втором слоге двусложной основы, сохранившейся в формах некоторых косвенных падежей, что можно легко заметить при анализе парадигмы склонения существительных в единственном числе. У существительных, оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на согласный, ср. коми-зыр. *ver* 'лес', удм. *lud* 'поле', в тех случаях, когда падежное окончание начинается с согласного, основа на согласный сохраняется, ср. коми-зыр. *ver* 'лес', *ver|len* '(y) леса', *ver|li* 'лесу', *ver|lañ* 'в сторону леса', удм. *lud* 'поле', *lud|len* '(y) поля', *lud|li* 'полю' и т. д., но некоторые падежные окончания, по-видимому, содержат древний гласный бывшей двухсложной основы слова, представленный заднерядным *i*, ср. коми-зыр. *ver|in* 'в лесу', *ver|iš* 'из леса', удм. *lud|in* 'в поле', *lud|iš* 'с поля' и т. д.

Стремление к передвижению гласных переднего ряда в разряд заднерядных, находящихся в непервом слоге, вообще характерно для коми-

¹ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 227.

зырянского языка. В суффиксальных слогах, по мнению В. И. Лыткина, *i* превратился в *i*. Гласный непервого слога *e* в большинстве коми-зырянских диалектов был замещен *e*.²

В марийском языке древняя двусложная основа также сохранялась в некоторых косвенных падежах. Все марийские существительные, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на согласный, имеют в косвенных падежах перед падежным окончанием редуцированный *ə* (графически *ы*), ср. марЛ *jal* 'деревня', род. п. *jal|ən*, мест. п. *jal|əšte*, напр. п. *jal|əške*. Если в именительном падеже единственного числа выступает двусложная основа и гласный второго слога неударяемый, то в некоторых косвенных падежах перед падежным окончанием также появляется редуцированный гласный *ə*, ср. марЛ *mlande* 'земля', род. п. *mlandən*, дат. п. *mlandə|lan* и т. д.

Как упомянуто выше, в луговом марийском диалекте редуцированный переднего ряда *ə* совпал с редуцированным заднего ряда *ə*. Конечный гласный древней двусложной основы всюду стал заднерядным. Это явление можно рассматривать как совершенно аналогичное тому, что произошло в пермских языках. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что исчезновение гармонии гласных в пермских языках и луговом марийском диалекте явилось результатом действия двух совершенно аналогичных факторов — увеличения частотности появления заднерядных гласных в первом слоге древней двусложной основы и почти тотального превращения гласного второго слога древней двусложной основы в заднерядный.

В результате этого гармония гласных в рассматриваемых языках первоначально, по-видимому, ослабла и затем полностью утратилась. В современном луговом марийском диалекте она уже не действует, ср. марЛ *kečəš* 'на солнце', *šörəš* 'в молоко', *tümär* 'барабан', *kidəš* 'в руку'. То же можно сказать и о пермских языках, ср. коми-зыр., удм. *kiin* 'в руке', коми-зыр. *šiktiš* 'из деревни', удм. *nimo* 'по названию', *pitires* 'круглый' и т. д.

Гармонии гласных перестали подчиняться и суффиксальные гласные, ср. марЛ *čodrašte* 'в лесу'.

В суффиксах коми-зырянского языка чаще всего бывает гласный *i* или *e*.

На этом можно бы и закончить выяснение причин исчезновения гармонии гласных в пермских языках и луговом марийском диалекте, если бы в связи с этим не возникали новые проблемы. Выше уже отмечалось, что в пермских языках гласный второго слога древней двусложной основы в некоторых местных падежах регулярно представлен заднерядным *i*, ср. коми-зыр. *ver|in* 'в лесу', *ver|iš* 'из леса', удм. *lud|in* 'в поле', *lud|iš* 'с поля' и т. д.

История *i* непервых слогов тесно связана с общими закономерностями вокализма непервых слогов. Мы сошлемся на некоторые интересные выводы, сделанные В. И. Лыткиным. В пермских языках в первом (корневом) слоге встречаются все гласные фонемы и в общем в одинаковой мере. Между тем в непервом слоге они встречаются в ограниченном количестве.³

В непервом слоге общепермского праязыка употреблялись только нелабиализованные гласные: *a, *i, *e (может быть, и открытый *e*,

² В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 238.

³ Там же, стр. 235.

позднее слившийся с ϵ). ЛабIALIZED гласные в первом слове не встречались. В раннепермский период, возможно, основа одних слов оканчивалась на широкий гласный (a , ϵ), а других — на узкий (i), как это предполагают для финно-угорского праязыка (там основа одних слов оканчивалась на a ($\ddot{a}$), а другие основы имели в конце e). В пермских языках в силу различных фонетических изменений конечные гласные основы примкнули к суффиксам и стали нести сами по себе или совместно с согласными суффиксов определенную смысловую нагрузку (* $kare|ks > kare|k > kare$ 'в город', * $veri|ns > veri|n > veri|n$ 'в лесу'). Затем в результате взаимодействия этих суффиксов произошла нивелировка их огласовок.⁴ Процесс выравнивания гласных суффиксальных слогов был настолько универсальным, что в настоящее время невозможно установить, какой гласный звук был первоначальным (в раннепермский период) в первом слове того или иного слова.⁵

Картина, казалось бы, более или менее ясна. Тем не менее возникает ряд вопросов, требующих определенного ответа. Известно, что в пермских языках конечный гласный второго слога древней двусложной основы в именительном падеже обычно утрачивался, ср. коми-зыр. *koz* 'ель' при фин. *kuusi*, коми-зыр. *kiv*, удм. *kil* 'язык' при фин. *kieli*, коми-зыр. *sen* 'жила' при фин. *suoni* и т. д. Можно предполагать, что некоторые уральские языки, например, пермские, марийские, обско-угорские и отчасти мордовские, переживали такой период, когда конечные гласные корни превращались в редуцированные гласные. В луговом марийском диалекте эта стадия сохраняется в реликтовом виде в некоторых косвенных падежах, ср. марЛ *kid* 'рука', *kidə|n* 'руки', *kidə|šte* 'в руке' и т. д. Возникает вопрос, сохранилась ли эта стадия редукции гласного второго слога в пермских языках. Если в формах *kare* 'в город' и *karin* 'в городе' в коми-зырянском языке гласные ϵ и i представляют собой конечные гласные второго слога древней основы слова, то почему они различны по качеству и явно специализированы по грамматической функции. Мы предполагаем, что некогда i и ϵ первых слогов были редуцированными гласными. Гласный i был редуцированным заднего ряда, а гласный ϵ — редуцированным переднего ряда. По мнению В. И. Лыткина, i первых слогов произошел из оттянутого назад i .⁶

В связи с этим нелишне было бы обратиться к истории редуцированных ϵ и δ в марийском языке, где они развились в позднемарийский период в результате изменения двух более или менее четко выраженных оттенков фонемы и один из которых был более задним, а другой — более передним. Употребление этих оттенков первоначально диктовалось гармонией гласных: после переднерядного гласного ударного слога выступал переднерядный оттенок, а после заднерядного — оттенок, отодвинутый назад.⁷ По-видимому, такое состояние некогда существовало и в языке коми. Гласный i первых слогов развился из редуцированного гласного заднего ряда типа мар. δ , а гласный ϵ был редуцированным гласным переднего ряда типа редуцированного δ .⁸ Можно предполагать, что первоначально употребление этих редуцированных

⁴ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 239.

⁵ Там же, стр. 240.

⁶ Там же, стр. 238.

⁷ Л. П. Грузов, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола 1969, стр. 112.

⁸ Вероятно, оно напоминало совр. тат. δ .

диктовалось гармонией гласных. Слово *ver* 'лес' содержало в корне гласный переднего ряда *ö*. Естественно, в непервых слогах своих форм оно должно было иметь редуцированный переднего ряда *ø*, например, *vör|løn* 'у леса', *vör|løn* 'в лесу', *vör|lø* 'лесу' и т. д., тогда как *vom* 'рот', содержащее гласный заднего ряда, в падежных формах имело редуцированный гласный заднего ряда *ä*, например, *vom|än* 'во рту', *vom|äs* 'из рта' и т. д.

О том, что *i* непервого слога был в коми-зырянском языке некогда редуцированным гласным, свидетельствует одна его примечательная особенность, сближающая его с мар. *ä* непервого слога. Если во втором слоге древней основы существительного в коми-зырянском языке был *i*, то он регулярно утрачивался перед т. н. тяжелыми падежными окончаниями, т. е. окончаниями, состоящими из слогов типа CV или CVC, ср. род. п. *ruč|lən* '(у) лисы', притяж. *ruč|liš* '(у) лисы', дат. *ruč|li* 'лисе', лишит. *ruč|teg* 'без лисы' и т. д. Такими же свойствами обладает и *e*. В луговом марийском диалекте перед окончанием дательного падежа *-lan* конечный *ä* основы также утрачивается, например, *puš|lan* 'лодке', но *puš|än* 'лодки'. Такая утрата, по-видимому, облегчалась тем, что исчезнувший гласный был редуцированным.

В. И. Лыткин отмечал, что в коми-язьвинском диалекте существует фонема *ø*, акустически близкая к ленинградскому предупредительному *a* (*э*) в словах *вода*, *сама* (*вэда*, *сэма*). Этому коми-язьв. *ø* первого слога в других коми диалектах обычно соответствует *i*. Можно лишь предположить, что в известный период развития коми языка на месте современного (всегда в первом слоге безударного) коми-язьв. *ø* существовал редуцированный гласный. В заимствованиях хантыйского языка из древнего языка коми звук *i* последовательно передается редуцированным гласным, ср. хант. *pəsan* 'стол' < древнекоми *pəzan*, совр. коми *pīzan*, коми-язьв. *pəzan*.⁹ Интересно также отметить, что коми-зыр. и удм. *i* в горномарийском соответствует редуцированный *ä*, ср. удм. *tīl* 'огонь', марГ *tāl*; коми-зыр. *liđ* 'число', марГ *lādaš* 'читать, считать'; коми-зыр. *giž* 'ноготь', марГ *kāč*; коми-зыр. *pīž* 'лодка', марГ *pāž* и т. д.

В связи с этим возникает вопрос, был ли редуцированным *e* современного коми литературного языка. Некоторые косвенные данные свидетельствуют в пользу его редуцированности.

1. В коми-язьвинском диалекте суффиксальному коми-зыр. *e* может соответствовать *ø*, ср. коми-зыр. лит. *šir|en* 'мышью', коми-язьв. *šir|ən*.¹⁰

2. В. И. Лыткин отмечает, что в древнепермских памятниках письменности, особенно в Лепехинских текстах, мы встречаем много случаев смещения *a*, *o* (*ö*), *ы*, например: *локто* ~ *локтö* ~ *локта* 'придет'. По мнению В. И. Лыткина, Лепехинские тексты прошли такую диалектальную среду, где еще имелся редуцированный *ø* (по крайней мере в суффиксальных слогах), который переписчики (за неимением особой буквы для этого звука) передавали разными буквами: то *a*, то *o* (*ö*), то через *ы*.¹¹ В удмуртском языке суффиксальный *e* не встречается.

Позднее в коми и отчасти удмуртском языках произошло падение редуцированных. Редуцированный заднего ряда *ä* или утрачивался (пе-

⁹ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, Москва 1952, стр. 92.

¹⁰ В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961, стр. 44.

¹¹ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, стр. 93.

ред тяжелыми падежными окончаниями), или превращался в *i*, особенно в тех случаях, когда он входил в состав падежных окончаний, например *ver|in* 'в лесу', *ver|iš* 'из леса', ср. удм. *kar|in* 'в городе', *kar|iš* 'из города'. Редуцированный *ö* превратился в гласный среднего подъема *e*, передаваемый в современной орфографии знаком *ö*. Когда редуцированные гласные утратили функцию уподобления гласных по ряду, они стали использоваться в других целях: иногда они используются для различения падежных суффиксов, ср., например, коми-зыр. *čer|en* 'топором', но *ver|in* 'в лесу'. По этой причине гласные второго слога древней основы вошли в состав суффиксов. Несколькo загадочно появление в коми языке вставочного *j*, ср. *lim* 'снег', *lim|jen* 'снегом', *lim|jin* 'в снегу', соответствующего конечному *i* и *e* основы в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *lumi* 'снег', род. п. *lume|n*. В форме местного падежа *limjin* 'в снегу' появляются как бы два одинаковых гласных основы. В удмуртском этому *j* соответствует *i*, возникший из редуцированного гласного, ср. удм. *limi* 'снег'. Очевидно, *i* превращался в особых условиях в *j* перед гласным. Определить эти условия в настоящее время довольно трудно.

Изложенное выше позволяет сделать два важных для истории пермских языков вывода: 1) факторы, способствовавшие исчезновению гармонии гласных в пермских языках и луговом диалекте марийского языка, были одинаковыми и 2) перм. *i* и *e* некогда были редуцированными гласными как в составе корней слов, так и в суффиксах.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ÜBER EINIGE MÖGLICHE WEGE DES SCHWUNDES DER VOKALHARMONIE IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN UND IM WIESENMARISCHEN

Der Verfasser vermutet, daß der Schwund der Vokalharmonie in den permischen Sprachen und im Wiesenmarischen sich stufenweise und allmählich vollzogen hat.

Die Ursachen des Schwundes waren in allen diesen Sprachen die gleichen. Der Prozeß des Verschwindens war durch folgende Erscheinungen verursacht: 1) die Zunahme der hinteren Vokale in der ersten Silbe des Wortes, 2) die Zunahme der hinteren Vokale in den nichtersten Silben, die noch mehr die Vokalharmonie zerstörte, wobei diese hinteren Vokale reduziert waren.

Das Schicksal der reduzierten Vokale in den permischen Sprachen und im Wiesenmarischen war verschieden. Für die permischen Sprachen, ebenso wie für die slawischen Sprachen, war der sogenannte Fall der reduzierten Vokale kennzeichnend. Der Verfasser kommt zur Schlußfolgerung, daß die Vokale *i* und *e* in den permischen Sprachen in beliebiger Position aus den ehemaligen reduzierten Vokalen entstanden sind.